

МАРК ЗАХАРОВ

К БИБЛИИ ОТ НАУКИ

Марк Захаров

К Библии от науки

«Издательские решения»

Захаров М. М.

К Библии от науки / М. М. Захаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909248-9

Основная интрига настоящего момента в том, что, несмотря на нежелание современных наук заниматься решением мировоззренческих вопросов, сегодня лишь Наука обладает потенциалом для разработки отвечающей современности «библии», т. е. разработки системы критериев «правильности» нашего поведения. А вот о чем и что должно говориться в современной «библии» от современной науки, вы узнаете уже из книги.

ISBN 978-5-44-909248-9

© Захаров М. М.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Глава 1. О ПОНЯТИЯХ	12
Основные свойства понятий	14
Формирование понятий	17
Моделирование	22
Теория	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

К Библии от науки

Марк Михайлович Захаров

© Марк Михайлович Захаров, 2018

ISBN 978-5-4490-9248-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

В своё время Фридрих Ницше справедливо отметил, что:

«Если человеку есть *Зачем* жить, он может вынести почти любое *Как*».

Сегодня же интрига в том, что за решение *мировоззренческих* вопросов, типа «*Зачем*» до сих пор так и не взяла на себя ответственность ни одна из известных наук.

Даже философию сегодня не интересует:

- В чем смысл нашего существования?
- Зачем мы живём? С какой целью?
- Живём ли в угоду очередному демиургу, дабы ублажать его нашей кротостью, верой и послушанием?
- Живём ли в угоду правителям и владельческим господам, дабы комфортней им было делить власть и влияние, расплачиваясь нашими судьбами?
- Может живём зачем-то ещё?
- А тогда – зачем?

Вопросов много. И это лишь мизер из тех – вечно актуальных, которыми люди озадачивались с момента своего сотворения, и так и продолжают с маниакальным упорством выяснять: – а можно ли жить чуть-чуть лучше? И так, чтобы благочестиво, праведно, непогрешимо, честно, справедливо и, по возможности, одновременно всем.

Ну, а результат?

Он, конечно, есть. Его можно даже наблюдать, правда, не столько в ежедневной практике, сколько в виде святых текстов различных упанишад, талмудов, библий, апостольских откровений, озарений высшего начальства и остального фэнтези.

Наработано много, но всё дошедшее до нас зиждется на слабосодержательных, малоубедительных и неподдерживаемых практикой гипотезах, что, к сожалению, исключает использование упомянутых результатов для разработки *универсальных* критериев «правильности» поведения людей в реальных жизненных ситуациях.

Например, безмерно трудно согласится с рекомендацией «подставить левую», когда тебя банально убивают.

И проблемой здесь является не столько глубина самих исследований, сколько многоаспектность вопросов и возможных ответов на них. Попробуйте сами спросить тот же Google хотя бы по первой строчке вышеприведённого перечня – так в чём же смысл человеческой жизни с точки зрения её величества Природы?

Могу заверить, что число ответов будет как минимум шестизначным, где наиболее содержательные из них известят вас о том, что Природа (как и всегда) молчит, а вся история человеческих исследований упирается в привычный *тупик*.

Тупик, – поскольку уже самые начальные умпостроения показывают, что с точки зрения собственно Природы, смысла в жизни человека не больше, чем смысла в жизни роя пчёл, муравейника, стаи волков или попугаев. Сегодня мы (как и они) живём только потому, что это

естественно. Ну, а смысл – это чисто человеческое изобретение. И с такими причудами, что любое обобщение, любая классификация натывается сразу на неодолимые трудности.

Например, можно попытаться объединить все наши «смыслы» в один, годный для всех, увязав его с «чудом человеческого существования», с «восторгом бытия». То есть, хрестоматийно предположить, что человек рождён для счастья, как птица для полёта.

Тогда здесь мы окончательно потеряемся, поскольку человеческое счастье определяется не столько тем, что нас окружает, сколько тем, – как мы к этому окружению относимся.

Ведь что нужно человеку для счастья? Теоретически – немного. Народ утверждает, что: – «С милым рай и в шалаше». Но, вдруг оказывается, что для одних таким «милым» является сам «шалаш», который в таких случаях больше похож на дворец с прислугой. Для других же, например, жён декабристов, оказывается необходимым бросить дворец с прислугой, чтобы соединиться с милым.

Очевидно, в этом многообразии легко запутаться, и встаёт другой не менее естественный вопрос:

– А есть ли он – «смысл для всех»? Ведь «смысл» – есть чисто человеческое и потому, возможно, лишь индивидуальное?

Именно на *этом выводе* чаще всего и настаивают многие «мудрецы», используя его при необходимости прикрыть откровенную неполноценность (а то и порок) – этой самой личной индивидуальностью.

Но достаточно пройти чуть дальше, чтобы с интересом обнаружить, что человека на каждый день занимает не столько «общий смысл» его деяний, сколько достижение совершенно конкретных «меленьких» личных целей. Доделать что-то на работе, закупиться на ужин, заглянуть в ТВ-ящик, или просто накачаться по выбору из списка: – гантели, девочки, философия, наркотики.

Другими словами, именно *цель* – и есть основное из определяющих и синтезирующих поведение человека понятий. И жизнь без *осмысленной* цели хотя бы на секунду – это жизнь даже не животного. Скорее отдельной его клетки.

Более того, понятие «Цель» самым теснейшим образом связано с другим, ещё более важным для нас понятием – «Разум». Сегодня эти понятия равноправны и различимы, пожалуй, лишь контекстно. Ведь мы считаем любой поступок разумным тогда и только тогда, когда он целесообразен и наоборот, – всё что по нашим представлениям нецелесообразно одновременно и неразумно.

Отметим также, что цель – это не мечта или какое-то там пожелание. Цель это обязательно и планируемый результат, и осмысляемый алгоритм достижения, т.е. какая-то планируемая стратегия и тактика действий в пределах существующих возможностей.

И, наконец, *самое главное* – человек смог достичь своих вершин (в том числе и вершины пищевой цепочки) потому, что *научился* оптимально разделять задачу на выполнимые подзадачи, а главное – *объединять и координировать* усилия членов группы. Начиная, видимо, с охоты на мамонта.

А вот **объединить** людей в группу (сообщество), а тем более **сплотить** их в коллектив, способный достичь теоретически *любых* результатов, может, как известно, только (только!!!) **общая цель**.

И тут мы снова возвращаемся к сакральным вопросам «смысла», но уже с их рационально-целевой стороны.

А нет ли чего такого в наших целях, мотивах и помыслах, что позволяет обобщить их в единый мотив, в единый помысел, в единую систему целей, как по отдельным общественным группам, так и в целом по обществу?

Другими словами, существует ли универсальная система критериев «**Правильности поведения**» всех нас и каждого в отдельности? И система – не как блажь мыслителей, а как реальный инструмент развития человеческой цивилизации.

Если нет, то почему? Если да, то что это за критерии? И пусть критерии даже не на века. Пусть на текущую пятилетку. Но обязательно исключающие всё вредное, ненужное и наоборот – мотивирующие, объединяющие в полезном.

Правда, об этом хорошо бы поговорить уже с самых рациональных (читай – научных) позиций, что как-то надёжнее.

«Научные позиции» желательны ещё и потому, что наука на сегодня – есть область духовной и материальной деятельности человека, призванная отличать вымысел от реальности.

Например, на сегодня Наука отрицает существование любых неотвратимостей, неминуемостей, предопределённостей, предуготовленностей и напрямую связывает все причины изменений в человеке и его окружении с самим человеком, с его внутренними свойствами.

А это архиважно. Одно дело человек творит себя сам, творит своим поведением, своими усилиями, сам меняет что-то в себе и своём окружении. И совершенно другое, если его поведение определяет «чья то воля», «осчастлививляет» человека без возможности даже обсудить, а, тем более, воспрепятствовать нежелаемому. И всё это в условиях известных традиций, обстоятельств, да и собственных «ленивых» свойств, которые настраивают человека больше надеяться и ждать, чем действовать.

Наука же на сегодня *официально* подтверждает полную «автономность» человека от любых «предначертанностей», объявляет его полным хозяином всех своих способностей.

И это действительно похоже на правду, ибо в противном случае:

– изучение зоологии в школе пришлось бы начинать с обсуждения *судьбы* или *сглаза* уже у амёбы-туфельки,

– а в суде, каждый раз, после заявлений защиты о том, что «в тот роковой момент» рукой ответчика двигало исключительно само Провидение, судьям и присяжным оставалось бы просто разойтись по домам.

Но суть происходящего в том, что для прояснения поднятых вопросов одной «науки» – будет мало. Понадобится и «библия», и «религия», и многое остальное, поскольку всякая большая Цель и заложенный в ней большой Смысл всегда нераздельно связаны с большой Верой.

Не получается двигаться к цели, не видя смысла или не веря в возможность её достижения. Потому содержание всякой Веры неотъемлемо включает в себя убеждённость в достижимости результата, в справедливости исходных постулатов и «правильности» самих целей.

И во что только не верил человек вчера. И в духов, и в демонов. И в полибогов, и в монобога. И в царя, и в отечество. И в равенство, и в братство. И в капитализм, и в коммунизм. И даже в Партию. Так во что же ему предстоит верить завтра?

Если рискнуть углубиться в «экзо-террариум», посвящённый этой проблематике литературы, то можно свихнуть мозги в *сегодняшнем* многообразии возможных ответов. Каких предположений и рекомендаций там только нет. Простое перечисление – это отдельная книга.

Так почему и зачем прорвало шлюзы «накопившейся мудрости»? Откуда этот интеллектуальный смерч, дробящий в муку наше достаточно терпимое *вчера* ради сомнительно лучезарного *завтра*. Смерч, прессующий в кучу малу научные достижения, основы разных вероучений и накоплений личной мудрости? И самое главное, – откуда этот непрерывно взвинчивающийся интерес к этому крайне занимательному явлению?

Думается, что всё просто. Накопленный в мире объем знаний при современных скоростях передачи и усвоения информации всё быстрее, отчётливее и жёстче формирует границы общей истины для всех – о *взаимозависимости всех нас* на нашей планете. Планете – как *Нашего Общего Дома* и одновременно – микроскопической песчинке в пустоте бесконечного космоса.

Именно это глобально-обобщающее представление определяет интенсивно растущую потребность общества в Единой Вере будущего; Вере – объясняющей и предписывающей поведенческие установки для каждого из нас и для нас всех вместе взятых.

И творит эту Веру своего завтра практически сам народ. Мысль даже рядового смертного уже не хочет мириться с тем, что богов может быть много, разных, притом одновременно всемогущих и неконфликтующих. Сегодня становится всё ближе и понятнее мысль, что с богами – в самом начале кто-то был уже не прав.

И именно этот момент порождает:

– попытки объяснить многообразие существующих религий прошлой этнической разобщённостью,

– желание привести эту разобщённость к общему знаменателю, т.е. общему, удовлетворяющему всех Богу, которого каждый народ в своё время назвал и оставляет за собой право называть по-своему: – Шива, Будда, Кецалькоатль, Саваоф, Спаситель, Аллах, Демиург, Вождь, Партия, и т. п.

– всё усиливающуюся тенденцию к неверию в богов старых, к синтезу богов новых, новых демиургов.

И тенденция эта крайне серьёзна. Умнеет народ. Хочет понимать, а главное, – сознательно участвовать в процессе синтеза новой «обобщённой» религии или более привлекательного атеизма.

Естественно, умнеет и церковь. Ещё к началу XX века наконец-то установилась непререкаемо-бесспорной простая мысль, что все христиане читают одно Евангелие, что все они ученики Христа, а потому должны стремиться воссоединить в общей вере все лучшее, добытое каждой Церковью.

Собственно эта самоочевидность и стала содержанием так называемого экуменического движения, в рамках Всемирного Совета Церквей, расширяющегося и в настоящее время.

И движения даже результативного. Так уже в 1964 году после 50-летних дебатов и переговоров, Папа Римский и Патриарх Константинопольский, во славу окончательного примирения, торжественно отменяют взаимные проклятия обеих Церквей, произнесённые в IX веке.

А уже совсем недавно – в феврале 2016 года – патриарх Московский и всея Руси Кирилл и папа римский Франциск «говорили как братья» и подписали декларацию, касающуюся насущных проблем паствы и перспектив развития человеческой цивилизации.

Конечно, – проклятья отменить не сложно. Чай, не деньги делить. А вот как быть с приходом? Народ хоть пока и безмолвствует, но мозгует. И здесь, думается, уже в текущем столетии указанные тенденции и усиливающаяся потеря позиций заставит-таки служителей *многих* (а то и всех) вековых культов пойти ещё дальше. И не просто в направлении развития веротерпимостных инициатив, а сесть за круглый стол «чисто конкретных» переговоров о возможностях перетолковании верооснов в сторону обобщений. Обобщений под весьма прозрачным лозунгом – Бог един, только названия разные.

Правда, если выяснится, что бог един, то за что было пролито столько крови «неверных»? И что это за бог, который допустил такое?

С ответом на этот вопрос попы, думается, справятся. Тем более, что «общебожие» могло бы оказаться весьма полезным для умнеющих прихожан, ну хотя бы с мирорадетельных позиций. Ведь если Бог *един*, то и верующие в него – суть *один народ, на одной планете* со всеми проблемами и чаяниями, где не остаётся поводов для религиозных разногласий и тем более – для межэтнических споров и войн.

И, думается, если за круглый стол переговоров современные «папы» не сядут, то сядут те, кто хочет стать «папами» во вновь созданной «Единой» церкви.

А народ воспринимать готов. Интернет делает своё дело.

Но умнеет не только народ и попы. Умнеет и наука. Становится всё более и более очевидным, что как научные, так и религиозные уопостроения исходят из одной общей потребности человека все понять и объяснить, чтобы предвидеть и оптимально планировать «правильность» своего поведения. И совершаются эти построения одинаково в голове, а, следовательно, по одним и тем же психологическим законам.

Другими словами, наука созрела до понимания того, что Вера, и её основания могут иметь в своей основе и строго научный подход. Да и сама наука уже не может обойтись без собственной Веры.

Притом Веры в её современном понимании, т.е. с привнесением и узакониванием в строгом научном лексиконе таких понятий как культ, религия, церковь.

Тогда, – что же может предложить наука на сегодня и ближайшее завтра на тему смысла и целей; о чём должно говориться в Библии от Науки?

Мою версию ответа вы узнаете, если прочтёте книгу дальше. Но, не могу не предупредить рискнувшего читателя об определённой сдержанности в изложении, а также о тяжёлом атеистическом наследии, привнесённом в язык и мысли тридцатипятилетним опытом работы в научных лабораториях над проблемами роботов и других умных механизмов.

В книге я сознательно избегал частых ссылок на первоисточники и использование «научных слов», дабы не впадать в гипноз авторитетов, а только обобщать, хотя и из самоочевидного материала, но обязательно усилиями собственного сознания.

Потому и вопросы, которые нам предстоит обсудить – суть вопросы идеологической веронаправленности. А вера и связанная с ней идеология есть область человеческого знания, которая должна быть доступна *всем*, а не только *посвящённым* в этимологические тайны понятийных начал и «хранителям чистоты» эзо или экзо воззрений.

Более того, я неколебимо убеждён, что по обсуждаемым ниже вопросам любой *состоявшийся интеллект обязан* иметь не впечатление из каши понятий, а целостное связанное воззрение. Воззрение, для которого любое суждение, почерпнутое из любых источников (в том числе и из этой книги) является лишь катализатором формирования суждений собственных.

И здесь допустимо лишь отсутствие интереса к автору. К его замыслам, языку, манере изложения, но никак не к самой теме.

Тогда, с теми, у кого в крови Sapere aude – неистребимая потребность постоянно совершенствовать знания и умения – мы и пойдём дальше. Думать вместе, без догматов-имён и избыточных ссылок, концентрируясь исключительно на содержательности самих идей, но с бесконечной благодарностью к их авторам, памятуя, что придумать что-то умно-новое из ничего невозможно.

Невозможно ни вчера, ни сегодня, ни завтра. Поскольку исходит и развивается всякое новое точно так же, как развивается сама мысль о преемственности наших знаний. Мысль, ещё возмущавшая Декарта восклицавшего, что уже не осталось ничего необсуждённого мудрецами и уточнённая Ньютоном предрекающим: – «Если кому-то и посчастливится заглянуть чуть дальше других, то только потому, что он сумеет вскарабкаться на плечи титанов».

Ну, так что? Покарабкаемся, читатель?

Глава 1. О ПОНЯТИЯХ

И так, мы собираемся строить научно обоснованные религиозные убеждения, полагая, что наши действия рациональны и целесообразны, а результаты непротиворечивы и осмыслены.

Ну, а строить нам придётся из того, из чего строят любые убеждения – из понятий. Потому, для начала, рассмотрим и ощупаем наш строительный материал, оценим, хотя бы в первом приближении, его прочностные и эстетические возможности, дабы построенное не проседало и не рушилось, а было красивым и полезным.

Если вы захотите знать – что есть понятие, то упаси вас бог обратиться за определением к современному философскому словарю. Это три страницы текста шрифтом в 8 пунктов со 100% гарантией, что вы так и не поймёте, в чём суть. Так что придётся разбираться самостоятельно.

И так, в пренатальном и раннем перинатальном возрасте источником информации о наших столкновениях с реальностью являются только наши внешние и внутренние рецепторы (наши осязала), фиксирующие и преобразующие любые *проявления информативности* электрохимических процессов, протекающих в нейронных сетях нервной системы.

А что в мире хаотически срабатывающих нейронов может быть информативно? Очевидно, это может быть лишь надёжно фиксируемая повторяемость, регулярность, цикличность, систематичность, закономерность или хотя бы симметричность срабатываний в нейронных цепях при одних и тех же воздействиях на рецепторы, как снаружи, так и изнутри. При том, повторяемость неважно какая (амплитудная, частотная, временная, резистивная...), но обязательно стабильно фиксируемая нейронной сетью.

Можно даже предположить, что структура такой сети собственно и формируется в результате действия подобных факторов. Предполагается, что под действием некоего *постоянного* воздействия аксон нейрона начинает расти и ветвиться, образуя синапсы с дендритами других нейронов. Это происходит до тех пор, пока аксоны не обрастут миелином. Обрастут окончательно и примерно к 10 летнему возрасту.

Это реакция нейронной сети если *извлекать* информацию, анализировать и назначать ей смысл. Но, если говорить, о целесообразном уже поведении, то здесь, очевидно, требуется анализ уже не только «повторяемостей» воздействий, но и оценки «правильности» ответных реакций на эти воздействия. При этом, начальными, поверочными шаблонами «правильности» могут служить поступки, формируемые врождёнными инстинктами и физиологическими потребностями жизнедеятельности, а оценками – простейшие рефлексy, проявляющиеся в пределах индивидуальных порогов срабатывания всех наших «осязал».

Сознание же, при этом, не просто фиксирует всё новые и новые связи нейронов, но и классифицирует, запоминает и связывает между собой результаты одинаковых воздействий с одинаковыми реакциями, объединяет их в самостоятельные группы и назначает им «имена собственные».

И уже с этими «именами собственными» сознание продолжает работать как с самостоятельными законченными атомарными, т.е. неделимыми сущностями, называя их *понятиями*, *удобными* для построений и осмысления идей, абстракций.

А вот ответ на вопрос – как сознание всё это делает – никому пока не известен.

Так, что здесь можно много чего предполагать, воображать, мнить, гадать, подозревать, но оставим это другой книге. А пока, не вдаваясь в подробности (о которых собственно ничего и неизвестно), положим, что вышеперечисленное и многое другое составляет исходные, «неосмысляемые» моменты, из которых сознание и «выпекает» свои понятия, в каждом из которых выделяется и фиксируется одно или несколько упомянутых «постоянств».

Отметим, что главным обеспечивающим моментом способностей нашего сознания, собственно и является возможность реального существования вышеупомянутых «постоянств», природу которых мы рассмотрим ниже и проявление которых, оказывается, можно не только наблюдать и фиксировать, но и *прогнозировать*, что и является самым главным из всех полезных свойств сознания человека.

Основные свойства понятий

На сегодняшний день никто более философии не усердствовал (пыжился, тщился, силился, норовил) поставить последнюю точку в теме сознания и понятий. Потому, думается, будет полезным сразу обозначить наши координаты в бескрайнем море её зыбких и туманных определений.

Дабы исключить любую предвзятость к известным философским системам и школам, предлагаю вернуться к истокам материализма, где нам предстоит умствовать на порхалище номинализма (умеренного концептуализма) и его производных с оттенками от младо... до нео... и пост...

Номинализм предполагает, что реально существуют только вещи с их *индивидуальными* свойствами, а всё отдельное, общее, всеобщее – существует лишь как понятия. Сознание и окружающая его реальность представляют собой два разных мира, каждый из которых живёт и развивается по своим законам. При этом, вещи и понятия о них связаны между собой весьма опосредовано.

Но, если на слове «опосредовано» остановиться – значит сказать не больше диалектического материалиста, что сегодня уже не характеризует с хорошей стороны и заставляет нас пройти чуть дальше.

Начнём, пожалуй, с объектного (описывающего объект) понятия «вода». И сразу отметим, что такого объекта, как «вода вообще» в реальности не существует. Понятие «вода» описывает некую совокупность всех мыслимых свойств, присущих всем видам реальных «вод» – океанской, озёрной, речной, болотной, дистиллированной или воды из лужи. При этом не всех свойств сразу, а их части, определяемой контекстом ситуации, т.е. связанным с её конкретным употреблением и передачи информации, относящейся только к конкретно рассматриваемой ситуации.

Можно возразить, что для «точного» описания воды можно использовать, например, её современное представление как вещества, молекула которого состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода. Но, что тогда делать с водяным паром, молекулы которого имеет такое же строение, присутствуют в воздухе и в структурах известных минеральных и даже металлоидных кристаллов.

Кроме того, «водородо-кислородное» представление вода приобрела лишь в 1771 году, после её соответствующего описания Генри Кавендишем. До этого воду долго считали сначала «стихией», потом моноэлементом и совершенно спокойно обходились этим «ограниченным» представлением.

Другими словами, понятие *вода* – это **абстракция**, которую мы используем только для удобства передачи информации, каждый раз оставляя за ней только те свойства, которые определяются контекстом передаваемого смысла.

Например, если «целую» бочку разлить по канистрам, то для стороннего наблюдателя это будут уже различные «воды», каждую из которых можно отдельно от других подогреть, охлаждать, переносить, очищать от примесей, газировать, покупать, продавать и т.д..

При этом полный перечень свойства этих «вод» (вплоть до её вредности) может оказаться также разным – вследствие примесей попавших в воду из б/у канистр разной степени «помытости». Тем не менее, каждый обладающий упомянутой канистрой, будет убеждён, что он владеет-таки *водой*, где всё остальное не суть.

Это же всё справедливо и для абстракции – «*Человек*», который в реальности существует лишь как реальный Иванов, реальный Петров, реальный Сидоров – как объект единичный и обязательно целостный и со своими индивидуальными свойствами, позволяющими различать эти объекты между собой не только по фамилии.

Или понятие «бензин». Понятие одно, а состав может оказаться совершенно разным. Даже химики определяют бензин без формул. Для них бензин есть горючая смесь лёгких углеводородов с температурой кипения от 33° до 205° С.

А если про бензин спросить сидящую за рулём блондинку, то мы узнаем, что бензин это мерзко пахнущая жидкость, которую заливают в её авто, чтобы оно ехало.

И во всех случаях – всем всё понятно. И про воду, и про бензин, и про блондинку.

Теперь отметим (самую многочисленную) группу понятий, которые обозначают не реальный объект, а лишь совокупность свойств, присущих одновременно совершенно разным объектам. Например, стол, стул и скамеечка.

В природе вообще не существует столов, стульев и скамеечек, как *объективно* существующих предметов. Понятия есть, а соответствующих этим понятиям вещей нет. Это понятие, которые мы назовём – понятиями «функциональными», позволяющими (в нашем случае) *удобно* обозначать *любую* поверхность, используемую человеком для определённых видов деятельности.

Например, если стол занят, можно сесть на скамеечку, а в качестве стола задействовать стул. Или сесть на стул, а скамеечку, поставив на колени, использовать в качестве стола.

И вообще, в качестве *стола* можно использовать как стол, стул, скамеечку, так и пенёк, капот автомобиля, кусок фанеры, гладкий камень, чемодан, снятую с петель дверь и, грубо говоря, всё остальное – необходимо и достаточно ровное и твёрдое.

И таких понятий не одно, два, три – они почти все такие. Пол, потолок, окно, зверь, человек, часы, молоток...

Ведь гвоздь можно забивать и часами, а молоток – с успехом пользоваться как часы, наблюдая за солнечной тенью от его рукоятки.

Можно также рассмотреть понятия описывающие сами свойства, например, действия, или изменения. Подобные понятия оказывается, уже не имеют привязки ни к какому из объектов. Ведь «бежать» может и лошадь и молоко из кастрюли, и та же вода в ручье, и облака, и годы.

И, наконец, понятия обозначающие объекты, которых в природе просто не может, а точнее – их не должно даже предположительно существовать. Например, Баба Яга, Мальчик-с-пальчик, Полифем сын бога Посейдона, сам бог Посейдон, Кот в сапогах и т. п. Они так и называются – сказочные объекты. Т.е. объекты, о которых можно говорить (сказывать), но нельзя обнаружить в реальности.

Таким образом мы видим, что связь между реальными объектами и объектами в нашей голове действительно «весьма опосредована». Свойства реальных объектов выявляются при

их взаимодействии друг с другом и с нашими органами чувств, а вот в отношении *мыслимых* объектов можно даже утверждать, что их свойства – назначаются.

Назначаются сознанием из анализа не только *реальных* воздействий объекта на наши ощущения, но и воздействий *предполагаемых*, приписываемых объекту, исходя из приобретённого наблюдателем жизненного опыта. Например, если у рассматриваемого в бинокль *неизвестного* животного зубы острые и длинные, то наблюдатель имеет право предположить, что это, скорее всего, – хищник.

Даже более того, возникает подозрение (но, только подозрение!), что сознание с понятиями может делать всё что хочет. Другими словами, может предположить, что понятия об объектах возникают не столько в силу воздействий неких объектов на человека, сколько с целью удовлетворения нужд самого сознания. И используются сознанием, пожалуй, больше для установления связей, передачи смысла, чем для обозначения каких-то там чьих-то свойств.

Вот так и так получается, что *любое* понятие это только *абстракция*. Удобная для *сознания* абстракция, включающая в себя не только часть реальных свойств каких-то объектов, но, возможно, и часть свойств объектов вымышленных. Или вымышленных свойств реальных объектов.

Формирование понятий

Очевидно, что понятие – «*Понятие*», являясь *результатом* мышления, не может быть ни рассмотрено, ни ошупано вне сознания, с которого мы просто обязаны начать.

Но глубоко в «начала» залезать не будем, а начнём где-то с Декарта. Т.е. согласимся, что *каждый*, если он мыслит, значит существует.

Каким образом механизм мышления реализуется в природе – нам неизвестно, но результат он конкретен и осмысливаем. И, поскольку всякий мыслящий Иванов, Петров, Сидоров может мыслить на земле, под водой и в космосе, не общаясь с другими и даже не подозревая об их существовании, то можно (и нужно) предположить, что каждый из них формирует свои собственные понятия в виде слов своего «внутреннего» *языка*, на котором он сам с собой и разговаривает.

При этом, содержательность, смысловая наполненность слов этого личного языка адекватна (можно даже сказать – *тождественна*) содержательности самих понятий, используемых для «внутреннего пользования».

Для «внешнего» же пользования, к определённому возрасту в сознании каждого формируется индивидуальный транслятор со слов внутреннего языка на язык среды по месту жительства – русский, английский, китайский.

При этом, собственно само сознание нельзя «ощутить» как мы это можем делать с реальными объектами. Глазами, руками или понюхать. Сегодня сознание мы рассматриваем как *свойство* некой материальной структуры, которую мы называем носителем, и считаем, что вне носителя и без него никакое сознание реализовано быть не может.

Естественно, прямо здесь следовало бы обсудить – как свойство «сознание» встроено в носитель. За счёт чего и как в нем реализуется. Или хотя бы – как это вообще возможно?

Но, увы. Сегодня как на эти, так и все остальные вопросы о сознании, нет ни одного даже маленького ответика, проясняющего картину.

Ну, а потому, – мы будем только о том, о чём хоть как-то можно.

Например, отметим сразу, что мы никак не сможем отделить Сознание от Носителя, поскольку свойство неотделимо от объекта.

Но чтобы обладать нужным свойством, объект должен «состоять» из определённых элементов, связанных определённым образом. Т.е. всякое свойство всегда связано с определяющей его структурой. Как, например, свойство телевизора – чего-то там показывать – полностью определяется природой и организацией составляющих его элементов, которые в нужных нам состояниях просто не могут не проявлять своих «телевизионных» свойств.

Для носителя же доподлинно установлено, что при *избыточном* физическом, химическом и другом на него воздействии (битии бытиём :-)) носитель ломается и теряет частично или полностью своё уникальное свойство – свойство мыслить.

Собственно, этот момент и позволяет рассматривать носитель способным существовать *как бы* отдельно от сознания, а сознание рассматривать – как *свойство* всякого не сломанного носителя. Неотъемлемое свойство и не более того Но, и не менее.

А, если ещё короче, то Сознание без носителя читай – фантастика, а Носитель без сознания читай – труп. Или, если хотите, – экс-носитель. Экс-носитель Иванова, Петрова, Сидорова, если говорить снова о реальном единичном.

Здесь всё также просто как ответ на вопрос – что нам позволяет компьютер называть компьютером и какая степень его поломки требует приставки экс. Ответ на этот вопрос, собственно, и позволяет без труда воспринимать всякого способного мыслить как бездефектный носитель с индивидуальным сознанием, подобно индивидуальным свойствам компьютеров разных моделей.

Теперь по вопросу формирования понятий. Пока человечеством твёрдо установлено лишь то, что понятия есть результат обучения и размышлений.

Вот наш совсем недавно рождённый малыш увидел яркую вещь. Потянул (инстинктивно) к ней ручонку, промазал. Потянул повторно *целенаправленно*, контролируя движения зрением – опять промазал. И так пока не дотянулся и не почувствовал какое оно на ощупь. Потянулся к другой вещи. Достал. Пощупал. Сравнил впечатления. Уловил разницу. Образовал новые понятия. Уточнил старые.

Двигаясь, малыш учится сидеть, стоять, ходить. А ходить, когда вокруг тебя сплошные «грабли», – это уже целая цепочка умозаключений и поступков – наступил – получил – сделал вывод. Не сделал вывод – получил ещё.

И так по каждому жизненному разделу. Методом личных (*двигательных*) проб и ошибок.

И двигательных до тех пор, пока малыш не научится вычленять информацию из звуков и речи. После этого обучение продолжается уже с наставником. Например, мама указывает ребёнку на что-то красное и говорит: «Это красный цвет». Что видит при этом ребёнок мама не знает, да и ребёнок тоже. Может зелёный. Но запоминает – *красный*. И уже потом, со всеми вместе: «Это – красный». И если мама дальтоник, то малышу, увы, придётся переучиваться.

А вот мама на прогулке указывает пальчиком: «Видишь, это наш дом». И теперь малыш, будет утверждать тоже самое вслед за мамой, указывая пальчиком.

НО! Когда мама произносит: «Это наш дом», у неё в сознании мгновенно проскальзывает не один образ. Здесь образ стен и мебели, требующих ремонта, и образ небритого папы, и насекомых за плинтусом. Допускается даже образ соседа с разной степенью неприязни вплоть до противоположной.

К малышу это тоже всё придёт по мере накопления опыта и корректировки приобретённого в детстве. Естественно, не в таком же точно сочетании, но в не менее богатом и образном.

И наконец, в школе малыш перейдёт к последнему и самому затейливому способу получения знаний. Знаний из книги. В одной из них он прочтёт, что «умножающий знание умножает скорбь», в другой, что «знание – сила». И сколько же ему останется ещё перечитать и переосмыслить, чтобы убедиться, что правы оба автора, но не абсолютно. Что правда зависит от многого, даже от желания эту правду знать.

И всё это, чтобы в конечном итоге, подобно Сократу, прийти к выводу, что он твёрдо знает лишь то, что он ничего не знает.

Но это всё потом. А пока у малыша развитие абстрактного мышления связано, прежде всего, с обдумыванием движений. Начинаются они (и обдумывания, и движения) ещё прена-

тально и существенно предшествует развитию письма и речи. Да, и вообще от них не зависят. Скорее наоборот. Ведь абстрактно мыслить в совершенстве – не значит в совершенстве говорить и писать. В противном случае, как заметил кто-то из титанов, все великие болтуны слыли бы и великими мудрецами.

Но сколько бы слов не изобретали «болтуны», их количество (*слов*) в любом языке, определённо, меньше, чем индивидуальных понятий. Более того, – у каждого индивида содержательность его личных понятий в течении только *одного дня* меняется в зависимости от съеденного, выпитого или просто от того, – с какой ноги встал. Поэтому, одни и те же слова, произносимые одним и тем же человеком в течении дня, могут существенно отличаться по содержанию. Я уже не говорю о возрастных наслоениях.

И как мы выкручиваемся из этой многозначности? Элементарно! Когда, *при общении* друг с другом, мы используем то или иное слово, мы *по умолчанию* полагаем его наполненным равным для всех смыслом.

И пусть далеко не всегда это справедливо, но вполне достижимо с требуемой для практики точностью. Просто, желающим договориться, следует чаще заглядывать в толковые словари, больше читать, общаться и корректировать содержательность понятий до состояния «общеочевидности» одновременно у всех участников обсуждения.

А потому и начинать любое обсуждение лучше с *уточнения* используемых понятий.

Здесь, возможно, вы подумали, что для вышеупомянутого «уточнения» придётся углубиться в дебри философии или там – логики, лингвистики, семиотики, лексикологии, этимологии, и т. п.

Скажу сразу, – такого мы делать не будем. И не потому, что стесняемся. Просто – это ничего не даст, ибо там (в дебрях) все ужасно мутно и по кругу.

Судите сами. В философии определение слова «понятие» начинается так: «Понятие – это форма мышления, в которой отражается...».

Естественно сразу встают вопросы: что есть «форма», что суть «мышление» и как это – «отражается».

И если мы зададимся целью определить это *всё*, то окажется, что без порочного замкнутого круга определения понятий через самих себя мы не сможем обойтись. Не сможем, если захотим, чтобы каждое новое понятие определялось через уже определённые нами ранее.

Здесь всегда остаётся проблемой – а как и через какие понятия определить самое первое (исходное) понятие?

А, если определить исходное понятие через уже определённые, то получим круг. Если же круг разорвать, то мы напрямую столкнёмся с бесконечностью последовательных определений, в конечном итоге ничего собственно и не определяющих.

Кто не верит, пусть попробует сам, а для облегчения пример.

В диалектическом материализме Материя определена как объективная реальность, независимая от нашего сознания. Там же, всё что зависит от нашего сознания – определяется как Идея. Таким образом, Материя – это то, что остаётся в реальности, если из неё выделить Идею и наоборот.

Пусть Идея нематериальна и её нельзя пощупать, но её можно передать другому, как часть реальности и, следовательно, Материя и Идея определяются друг через друга, т.е. по кругу.

Ну и что тут плохого? – спросит неискушённый читатель. Ведь все понятно. И вроде бы всё схвачено. Чем плох такой круг?

А можно сказать, что и ничем. Ничем, кроме того, что в подобном случае ничему другому между Материей и Идеей уже не должно быть места, а в реальности – любое одно есть либо Материя, либо Идея. Что, в общем-то, вполне приемлемо, когда нужно что-то быстро обозначить в рамках кокой-то узкой темы.

Но вот возникает необходимость определить такие категории как Пространство и Время, без которых материи не обойтись. То вдруг обнаруживается, что вышеупомянутые категории обозначают нечто, не относящееся ни к Материи, ни к Идее. Вдруг выясняется, что Пространство и Время – это некие «Атрибуты Материи».

Конечно, можно и дальше нагромождать понятия на понятия. Что всякий Атрибут сам по себе без Материи не существует, что он суть форма (?), способ (?) её существования, обусловленный самим содержанием (?) этих категорий (?), ну, и т. д.

Но поздно. Круг разорван. И пусть Материя существует сама по себе, тогда как Идея и Атрибут требуют присутствия Материи. Пусть!

Но Атрибут – это не Идея, и не Материя. Но он есть! И не в Идее, и не в Материи. Стало быть – как-то так сам по себе, но (желательно) в той же реальности.

Таким образом, оказывается, что и Материя, и Идея, и Атрибут существуют, как самостоятельные сущности и как всякие сущности (в диамате) обязаны иметь собственные противоположности. Т.е. всякий Атрибут обязан иметь собственный Антиатрибут, с которым он должен «сливаться в тождестве», чтобы развиваться. Да, и почему атрибуты только у Материи? А почему и у Идеи не может быть своих атрибутов? Пусть пока не названных? А у каждого из атрибутов – своих атрибутов? А у тех, в свою очередь... И так далее... До дурной бесконечности.

Вот так и появляется возможность между Материей и Идеей (из которых вроде бы и состоит вся реальность) установить бесконечное количество самостоятельных сущностей, сводящих общую картину определений практически к хаосу, где допустима лишь классификация по классам, семействам, родам, но никак не систематизированная картина строго определённых императивных связей.

Поэтому обсуждать все это в ключе последовательных определений мы категорически откажемся. Заодно, вняв рекомендациям титанов, откажемся и от жёстких дефиниций и сосредоточимся исключительно на интуиции и здравом смысле.

Том самом сократовском здравом смысле, который предписывает не повиноваться ничему, кроме тех убеждений, которые после тщательной проверки представляются наилучшими, т.е. предельно удобными и убедительными.

И надо сказать это будет правильно, ибо любое учение, даже самое формальное (читай – математическое), начинается с так называемых исходных или *интуитивно определяемых* понятий. Понятий, сформированных в голове из личного опыта, воспринимаемых и обогащаемых через опыт, не требующих дополнительных словесных пояснений, а зачастую просто и не сводимые к ним.

– А к чему сводимые? – спросит любознательный читатель.

Здесь нельзя ответить одновременно и *точно*, и *честно*. В конечном итоге все упрётся в понятие интуиции, воспринимаемое нами также «интуитивно». После чего уже никакой набор слов о сознаниях, подсознаниях, знаках, символах первого и следующих порядков, существующих в голове как-то одновременно-порознь-слившись – ничего не прояснит. Только запутает.

Просто спросите себя сами – что такое для вас «точка» или «луч» из школьного курса геометрии. Что такое некий «образ» в голове. В чем смысл понятия «Смысл» и что есть – «Смысл» вообще. Что такое «Вера», «Любовь», «Гордость», «Счастье»?

И вам придётся согласиться, что каждому из нас необходимо не только родиться со способностью мыслить, но и попознавать и попочувствовать, чтобы, опираясь на накопленный опыт, проникнуться и наполнить, а затем и углубить смысл используемых понятий.

Потому дети (и даже большого возраста) чаще просто *не воспринимают* понятия в достойном объёме.

Например, при поступлении в институт киноинженеров одна девушка на вопрос: «Какую фотографию можно назвать художественной?», – запросто ответила: «Это когда художник нарисует, а фотограф сфотографирует».

Вот почему осмысление и уточнение исходных интуитивно воспринимаемых понятий и их обогащение проходит красной нитью через всю человеческую жизнь, через весь личный жизненный опыт человека.

Моделирование

В разное время, разными школами мыслителей и даже разными авторами одной и той же школы, процесс мышления определялся по-разному. Сегодня же, даже современными философами, легко принимается тот момент, что в сознании при его взаимодействии как с миром вещей, так и с миром самих идей в качестве сухого осадка остаётся лишь понятийная модель этих миров, т.е. *модель*, собранная, сотканная, изготовленная из понятий.

При этом, модель как реального, мира, так и любого возможного (виртуального), т.е. модель всего того, что можно вообразить.

Притом – именно *модель*, а не какое-то там *зеркальное отражение*. Модель, где любому достойному внимания нюансу в системе взаимоотношений *субъектов и объектов* (друг с другом и во всех сочетаниях) ставится в соответствие какое-то понятие или группа понятий, где и сами объекты, их свойства, связи и результаты взаимодействий между ними – суть так же понятия.

Так почему не *отражение*? Да, потому и категорически! Отражение (даже с волшебной приставкой – диалектическое) может быть прямое, зеркальное и в разной степени искажённое. Но отражение не может содержать того, чего нет в отражаемом материале. А вот смоделировать можно любую реальность. В том числе – не способную существовать даже предположительно.

А как «предположительно» можно излагать жёнам, мужьям, друзьям, начальникам – знают все.

И вообще. Откройте любую сказку, любое фэнтези и вы увидите что может сознание в плане моделирования того, чего не может существовать в принципе.

Таким образом, в реальности мы имеем каждый объект, как он там есть и одновременно их всех вместе взятых. И каждый из нас, по мере накопления личного опыта и интенсивности наблюдений, рано или поздно обнаруживает, что в результатах взаимодействия объектов между собой имеет место некая назойливая повторяемость. Ненаучно говоря, каждый раз, поднимая чемодан мы *всегда* чувствуем тяжесть.

Далее, всякое подмеченное *постоянство* связывается со *свойствами* объектов, с их стабильными признаками, которые у каждого объекта *свои* и которые собственно и позволяют нам различать и сравнивать объекты между собой, а также группировать их и классифицировать.

Другими словами, мы естественно и автоматически отмечаем *стабильно повторяющийся результат* взаимодействия нашего объекта с другими. И прежде всего – с нашими органами чувств – зрением, осязанием, обонянием, слухом.

Причём это касается не только объективно существующих объектов. Это касается всего, чего касается (типа каламбур) наше мышление. Т.е. касается собственно самих свойств, признаков и отличий. В этом случае сами понятия оказываются объектами изучения, осмысления, преобразования и корректировки.

Описание объекта через свойства – есть его внешнее описание со стороны как бы формы, определяющей то, что мы и связываем с интуитивным восприятием. При этом, количество требуемых для описания свойств какого-то объекта, ограничивается условиями лишь необходимости и достаточности для «отличения» – его выделения из среды как нечто целого, сущего самостоятельно.

С этого, собственно, и начинали древние греки. Платон в своё время имел неосторожность публично привести такое определение человека: – «Человек – это двуногое животное без перьев». Тогда, бессердечный Диоген, ощипав живого петуха, не без ехидства, выпустил его в академическую аудиторию со словами: «Вот человек Платона!». И Платону ничего не оставалось, как признать логическую ошибку и уточнить исходное определение, дополнив его ещё одним свойством: «Человек – это двуногое животное без перьев с плоскими ногтями».

Да, да, читатель. Именно с вот таких логических «высот», с таких «свойств-отличий» и начиналась логика современных наук.

И не надо улыбок. Не забываем – они *начинали*. Точнее, – начинали *они*. Вы это поймёте, когда что-нибудь начнёте сами.

Так что вернёмся к нашим проблемам.

Выделив объект из среды, люди за ним наблюдали, или сами *намеренно* организовывали (провоцировали) его взаимодействие с другими объектами и получали бесконечное множество подробностей. Подробности тщательно разглядывали, осязали, обоняли, прослушивали и обзывали каждый оттенок полученных ощущений своим понятием или группой понятий.

Затем, с помощью уже абстрактного мышления, вводились *дополнительные* понятия, содержащие нечто неощущаемое (отсутствующее в органах чувств), но необходимое для связи при построении окончательного *удобного* описания объекта или его *понятийной модели*, которая и оставалась в головах или записывалась как содержание сознания.

Бывало что-то и пропускалось и приходилось снова возвращаться (и даже через столетия) и снова переосмысливать и переобзывать неудачно названное ранее.

Так, что любое понятие – это непонятно *что*, но используемое сознанием как некий кирпичик для построения высказываний, теорий для *удобного* описания, запоминания и передачи смысла.

Именно поэтому понятия получаются не столько предметными, сколько свойство-функциональными, т.е. абстрактными, не имеющие аналогов в мире объективных вещей. Как, например, вышерассмотренные стол, стул и скамеечка.

Итак, понятие – суть модель. А модель может быть *только* более грубой, менее грубой, намеренно виртуальной или банально ложной.

Теперь пробежите глазами последнее предложение. Ничего подозрительного или примечательного? Тогда снова. Снова ничего?

А ведь именно здесь кроется главное откровение всего нашего опыта мышления, на котором не только наше обыденное сознание, но и сознание большинства философских школ не заостряет внимания. И кроется оно в понятии «противоречивая модель». И не с точки зрения некоего «единства и борьбы противоположностей», а натурально – с общежитейской.

Противоречивая модель – т.е. *противоречащая реальности*, – значит попросту, *неправильная, неверная*.

А *неверная* – это как если предположить, что в вашем кармане прямо сейчас нарисовался банковский чек на миллион евро.

Возможно, кому-то, вот так с размаху, мысль о «возможности-быть-неверным» покажется банальной. Но это главная мысль, с которой должно начинаться и которой должно заканчиваться каждое обсуждение (в том числе и наше с вами), каждый анализ, каждый спор.

А то, насколько это недопонимается сегодня можно наблюдать в любом конфликте – и в трамвае, и в пивном баре, и в сенате, и на научном симпозиуме.

Другими словами, важно все время помнить, что любой результат мышления (моделирования) – есть только *одна из возможных моделей (версий)* нами осмысляемого. Да и та, – однозначно неполная, а часто и неверная.

Предположить и даже ясно представить себе мы можем все! И бабу Ягу, и Кота в сапогах, и Мальчика-с-пальчика, или даже нечто «всё-всё могущее». Более того, можем даже очевидцев найти, которые публично присягнут (если их доктора отпустят), что всё это лично и неоднократно наблюдали.

Что это может означать? Тут выводы могут быть самые разные. Но самый важный для нас, т.е. самый мудрый – это то, что предполагаем мы часто одно, а на практике имеем совершенно другое.

И это не страшно, что такое возможно. Более того, именно так чаще и бывает. В конце концов, на то и опыт, чтобы проверить, насколько наша модель близка к истине.

Страшно другое – когда, не понимая или не желая понимать, что в голове у нас существует только *одна из возможных моделей (версий)* реальности, каждый отстаивает свою как *единственно верную* вплоть до мордобоя, поножовщины, а то и ядерного конфликта.

Теория

Конечная цель и желаемый *результат* понятийного моделирования – есть возможность предсказания результата взаимодействий изучаемых объектов. Модель же, позволяющая предсказывать – и есть теория. Собственно, вся вышеупомянутая «удобность» понятий и определяется удобством описания взаимосвязей всякого понятия с другими, используемыми в объединяющей их понятийной системе – теории.

Мутно? Согласен. Но в словарях не проще. Потому рассмотрим понятие «*теория*» подробнее и в связи с самим процессом.

Некоторых это слово так настораживает, что они готовы пропустить текст, лишь бы не увидеть чего-нибудь недопустимо умного и не дай бог не перенапрячься. Поэтому сразу возьмём быка за рога и спросим себя, – а кому и на кой нужна теория? Может можно и без теории? Просто. По жизни.

Так вот оказывается, нет. Никому, нигде и никогда *нет*. И даже животным. Пока нет теории, позволяющей хоть как-то судить о *последствиях* тех или иных поступков, невозможна никакая целесообразная (читай – разумная) деятельность.

Можно, конечно, наступить на грабли один раз. Ну, два... Ну, уговорили, – три раза. Но ведь придётся же когда-нибудь и вывод делать. И вывод не только о граблях, а *обобщать* этот вывод и на другой инвентарь.

И иначе нельзя. Те, у кого не получилось, думается, просто вымерли вследствие хронической травмы черепа. Или не дали потомства, поскольку рукоятки у остального инвентаря обычно короче грабельных.

В этом смысле любое обобщение понятий, обеспечивающее *мысленное* предвидение возможных последствий – и есть теория.

А хорошая теория – это не просто. Но если надо – сделаешь. Особенно, – если ещё и кушать хочется. А когда хочется и одновременно надо, то как-то очень быстро *осознаёшь*, что за яблоками бесполезно лезть на ёлку.

Именно из таких вот наблюдений и брали начало первые теории. И уже потом, повседневно сталкиваясь с ветром, холодом, огнём, зверьём, сыростью, с неотвратимостью радикулита, ревматизма и инфаркта, человек по неволе начинал обобщать накопленное в свободное от промысла время, чтобы не «наступать на грабли» снова и снова.

Так, что пока нет теории, позволяющей предвидеть, предсказать то, что может произойти, невозможно даже наметить *целесообразного* поступка, а уж тем более его провести.

Отсюда главными функциями любой теории (как систематизированной понятийной модели происходящего) можно считать:

- возможность предсказывать результаты взаимодействий в зависимости от свойств объектов и действий над ними,
- рассчитать, определить нужный набор свойств объектов и последовательность действий с ними, необходимых для получения желаемого результата.

Предвидеть, чтобы, рассчитать, спланировать, реализовать и всё желательно без ошибок. Согласитесь – это круто. И, естественно, встаёт вопрос, а нельзя ли круче крутого, т.е. построить теорию, которая может предсказать всё-всё?

Такое пока неизвестно. Но известна притча (в том числе и науке) о «печально известном третьем варианте».

В нашем научно-религиозном повествовании она звучала бы примерно так.

Случились как-то на околице подгулявшие миряне и видят – на берегу местный жрец рыбу ловит. Дело происходило у водоёма древнего, но уже и тогда служителей культа не жаловали – уж больно ловки были на подножке прокатиться. Потому один из народа и предложил, что он пойдёт и спросит – как, мол, ловится? Если ловится хорошо, останется сказать, что дуракам всегда везёт, если не ловится – так дуракам и боги не в помощь. Ну, не выкрутиться попу из дураков!!

Пошёл. Возвращается. С лицом потухшим опущенным. Сотоварищи интересуются. Отвечает: «Я ему по-человечески – ловится, мол, или нет. А он мне, как зверь какой, – а, вали, – говорит, – ты на хрен!».

Грубый был поп, согласен, но возможно именно с тех пор при рассмотрении всяких двух вариантов народ предполагал возможность существования к ним варианта и третьего. Но вот когда и откуда возникает возможность его появления, как предвидеть этот «печально известный третий вариант», имея на руках лишь два «очевидных»? Каков механизм, какова методика подобного предвидения?

Попробуйте сами ответить на этот вопрос и поймёте – почему с таким трудом строится и уточняется всякая теория. Строится десятилетиями, а то и веками, являясь не перечнем закатенелых истин в последней инстанции, а постоянно уточняемой системой смелых и ярких предположений, справедливость которых скрупулёзно отбирается практикой.

А выше всего в теории ценится её общность и простота, необходимая для понимания, использования и передачи потомкам, дабы полностью исключить или хотя бы максимально уменьшить число ошибочных поступков и нежелательных результатов. Именно поэтому за хорошую теорию сколько не плати – все равно не переплатишь.

И каждый из нас формирует собственную теорию, по которой собственно и живёт, которую оттачивает, отстаивает и пропагандирует. А уж из «личной» любая теория превращается в «общепринятую» или в «научную» только после обнародования, критики и окончательного признания.

И ещё. Когда мы говорим одновременно об удобстве, точности и простоте теории, то мы должны отдавать себе отчёт, что теория строится (должна строиться) не для того чтобы просто описать наблюдаемые явления, а прежде всего, чтобы получить, уточнить или усилить какое-то наше умение. Это очень важно, поскольку Умение – это наша конечная цель. Иначе говоря, конечная цель познания есть умение что-то делать, что-то изменять.

Ну, а строится и уточняется любая теория у всех одинаково в голове по одним и тем же законам мышления и являет собой совокупность ярких образов и правил, которых нам должно придерживаться, дабы предвидеть и не бояться ни каких граблей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.